

УДК 140; 316.7

А. А. Русанова, Н. А. Лукьянова*Национальный исследовательский Томский политехнический университет*

ОБРАЗЫ НЕТИПИЧНОЙ ТЕЛЕСНОСТИ В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Рассматривается понятие образа как структурного элемента мировоззрения человека, которое складывается под воздействием впечатлений, произведенных визуальными знаками. Предлагается трактовка образа как фундирующего понятия социальных отношений. Тем самым зачастую именно эти образы и являются стигмой нетипичности, которая не позволяет инвалидам интегрироваться в современное общество. Объектом исследования является изучение телесности в массовой культуре. В качестве предмета исследования авторы выявляют образы нетипичной телесности в современной визуальной культуре. Цель исследования – используя методологические подходы в исследовании телесности (М. Мерло-Понти, И. С. Кон, И. М. Быховская, Н. А. Бугуева), классифицировать образы нетипичной телесности в современной визуальной культуре.

Образ, визуальная культура, нетипичная телесность, социокультурный феномен

Представления о телесности как социокультурном феномене. Термин «телесность» имеет множество трактовок, и для начала следует выделить некоторые из них, дабы показать глубину вопроса. Например, Э. Гуссерль определял смысловое содержание тела и телесности как способ восприятия материального физического тела [1]. Г. Марсель отмечал бытийную составляющую телесности говоря о том, что тело это не только предмет обладания, но и элемент его бытия [2].

Антропологический подход в философии является одним из многочисленных способов изучения тела человека, и именно потому, что данное направление тесно связано с психологией и социологией, в свете изучения целостности человека предлагается рассмотреть телесность именно с точки зрения философской антропологии. По этой теории антропологические инсталляции, включая телесность, жилище, обряды, верования и социальные общности существуют в рамках всеобщих топов культуры. Известный французский философ-феноменолог М. Мерло-Понти относил понятие телесности к одному из ключевых понятий, обуславливающих бытие человека. В классической феноменологии живое тело понималось как целостное «я» – субъект восприятия, мышления, речи, общения и свободы. Однако Мерло-Понти пошел в своих исследованиях дальше, привлекая и анализируя психологические данные и теории. Опираясь на фундаментальные понятия «Lebenswelt» Гуссерля, Мерло-Понти создал вполне самобытную философию, заставляющую по-новому осмыслить традиционные философские темы и категории. Он выстроил целостный и оригинальный образ мира человека [3]. По его мнению, тело порождает смысл, проецируя его на свое материальное окружение, определяя тем самым горизонт экзистенциального пространства человека, его возможности понимания мира, других и себя самого.

Данная концепция дает нам представление о том, что тело как таковое само описывает границы своих возможностей и при этом является неотъемлемой частью познания мира вокруг себя через свои же проекции.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-03-00812.

И. С. Кон считал, что тело человека приобретает разные уровни бытия, связывая соответствующие системы воедино и модифицируясь в разных ипостасях [4]. Кон предложил свое видение телесности:

«Природное тело» – биологическое тело индивида, подчиняющееся законам мироздания и функционирования живого организма.

«Социальное тело» – репрезентует взаимодействие индивида с социальной средой, может одновременно служить производной от целенаправленных влияний на тело социальных институтов, а также подвергаться спонтанному влиянию.

«Культурное тело» – продукт культуросообразного влияния и использования телесности человека, является «квинтэссенцией» двух предыдущих формирований, завершая переход от природно-телесных предпосылок к духовному и личностному бытию тела человека.

Следовательно, сама по себе телесность является отражением духовных, эстетических и нравственных паттернов и социальных образов тела в пространстве и времени.

Но при всем своем многообразии телесность в большинстве случаев предстает перед нами именно как социокультурный феномен, вписанный в рамки бытия. Подобное видение имеют современные исследователи, например Н. А. Бугуева и Л. П. Киященко: «человеческое тело помимо действия общих законов жизни подвержено влиянию закономерностей социальной жизни, которые... существенно модифицируют их проявление» [5]. При этом можно сделать вывод, что суть телесности не заключается лишь в физическом теле: «Включая его в себя, как бы в качестве своего ядра, телесность человека охватывает большее пространство... одновременно в этом пространстве может существовать прошлое, настоящее и будущее человека» [6].

Опираясь на определение И. Быховской, телесность рассматривается как преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и воплощающее определенные социокультурные функции [7].

Согласно описанным ранее параметрам, характеризующим телесность человека в социокультурном аспекте, предлагается следующая трактовка понятия телесности, которая является обобщенной и выведенной на основе ряда работ философов, психологов и культурологов (М. Мерло-Понти, И. С. Кон, Н. А. Бугуева и др.). Телесность – это тело человека, наделенное социокультурными и общественными смыслами, с помощью которых оно может преобразовывать окружающий мир и преобразовываться под воздействием общественных и культурных факторов. В дальнейшем авторы исследования будут отталкиваться именно от данной трактовки вследствие того, что она наибольшим образом отвечает представлению телесности большинства представителей философского и культурологического сообществ.

Однако современные репрезентации телесности в культуре представлены в основном в кино, телевидении, Интернете и различных изобразительных средствах масс-медиа, т. е. в визуальной культуре. По мнению Я. В. Чеснова, в настоящее время в обществе сместился «центр тяжести», и бытийность, которая ранее была на периферии, сместилась в центр всеобщего внимания, а ритуально-нормативные конструкты ушли на второй план [8]. Аудиовизуальная техника создала популяцию тинейджеров, сделавших тело и ее витальность выразительными средствами. Новое поколение стало относительно автономно от культурного ландшафта, т. к. современное тинейджерство и их культура основана на гипертекстовом пространстве.

В данном ключе гипертекстового понимания культурного пространства нельзя обойти стороной известного ученого-семиотика У. Эко: «Гипертекстуальное устройство, которое позволит нам изобретать новые тексты, не имеет ничего общего с нашей способностью

интерпретировать уже существующие» [9]. Гипертекст в понимании Эко является многомерной сетью, где множество точек увязаны между собой.

К системам воплощения телесности в контексте культурного пространства можно отнести как аудиовизуальные источники, так и лингвистические конструкты (интерпретанты или семиотические единицы, обозначающие объект). Тело стало визуальным репрезентантом, демонстрируя определенный вид коммуникации в современном культурном аспекте.

И по причине того, что телесность является неотъемлемой частью культурного пространства, стремительное развитие визуальных технических средств усложнило задачу философского, социологического и антропологического осмысления зрительной перцепции и воздвигнуло красоту тела (панкализм), внешнюю телесность на постамент мирозерцания.

«Нетипичность» в типичности. Отечественные публикации по вопросам телесности в культуре человека до сих пор обладают «культурной миопией», освящая лишь вопросы телесности человека «абстрактного» и не принимая во внимание такой аспект телесности, как нетипичная телесность, которая может включать в себя как медицинское понятие инвалидности, так и банальное несоответствие стандартам панкализма.

На данном этапе необходимо сразу отметить тот факт, что для современного общества (в частности российского) характерно медикалистское понимание нетипичной телесности (инвалидности) как патологии, противоположной «нормальной» телесности. Вопрос восприятия нетипичной телесности обществом (в том числе и с культурной точки зрения) освещался в труде профессора Майкла Оливера, где утверждалось, что акцент на телесном, характерный для медицинской модели, подчеркивает стигматизацию фигуры инвалида в обществе и является объектом «жалеющего взгляда» доминантного большинства [10]. Исследования Г. Хьюджес [11], С. Лондсдэйл [12], Дж. Морриса и других опираются на мнение о том, что лишь диагнозы и классификация заболевания являются главным в социальном аспекте, и человек становится «невидимым».

Также подобная медицинско-правовая модель отношения общества к людям с нетипичной телесностью подробно освещалась в работе Н. Н. Малофеева [13], где он подробно исследовал проблематику эволюции инвалидности и отношения общественных структур к этому феномену посредством социальных и юридических моделей.

Так при всем том, что инвалиды существовали во все времена, они никак не фигурировали в визуалистике СССР и стран Запада до 70-х гг. XX в. [14] вследствие того, что до определенного времени модель нетипичности воспринималась обществом лишь как медицинский феномен («больной человек», «недочеловек») и социокультурная среда не возводила нетипичность в ранг насущных проблем общества. Но, как было подчеркнуто ранее, фундамент отношений общества к людям с нетипичной телесностью базируется (закладывается) именно на тех конструктах и моделях социально-философского характера, которые превалируют в обществе, и эти социальные отношения описаны далее в моделях философских концепций телесности.

Философские концепции телесности. Благодаря медико-правовой модели, которая устойчиво держала позиции с VIII по XX в., эту нестандартность в телесном аспекте, инвалидность социум воспринимал как «нетипичность». При этом явным маркером форм нетипичной телесности всегда выступал лингвистический подтекст (по мнению авторов, лингвистические конструкты как бы «обрастают» социальную модель, конструируя реальность с помощью языковых маркеров). Некоторые семиотические конструкты могут разделять или выявлять межкультурные пересечения в рамках одного языкового кода (под межкультурным пересечением авторы понимают стигматизацию инвалида или человека с

нетипичной внешностью в рамках собственного социума, что выявляет общность всех инвалидов между собой посредством некоторой социальной идентичности). Например, слово «crip» (англ. «слабак», «калека»), которым называют себя индивиды с нетипичной телесностью только внутри «своего круга», при этом отмечая тот факт, что если «не инвалид» использует это слово в адрес человека с ограниченными возможностями, то это звучит как оскорбление. В данном случае слова «crip» и «disability» (англ. «недееспособность») являются идентификаторами в рамках одной культуры, обозначая определенную группу, т. е. разделяя изначально единый социум на касты.

Вследствие изменения формаций общественно-политических структур менялось и отношение общества к телесному. В частности, начиная с начала XX в., за рубежом у политических структур возникает понимание и осознание необходимости обучения детей-инвалидов в специальных учебных учреждениях. С началом этого перелома в образовательном процессе происходит изменение социокультурных аспектов отношения к телесности. Уже появляются картины с изображением слепых (картина Г. М. Коржева «Беседа», 1975–1985 гг.), где стремление автора преодолеть стереотипность трактовки слепоты означает попытку проникновения в социальную психологию инвалида как социокультурного феномена. Уже ставший известным за рубежом проспект под названием «Disabled People Movement» (1997) возводит проблему нетипичности, инвалидности («disability») в ранг приоритетных, рассматривая инвалидность не с точки зрения объекта, а с точки зрения субъективности отношения общества в целом: «Мы уяснили, что инвалидность не вызвана нами самими – она есть порождение общества. Это можно назвать «социальной моделью» инвалидности» [15], [16].

Новая концептуальная система восприятия была предложена «социальной моделью инвалидности» (Oliver M., Morris J. *Independent lives? Community care and disabled people*. Basingstoke, 1993), которая представляла инвалидов не как жертв обстоятельств, а именно в качестве социальной группы в обществе, но при этом совершенно не уделяя внимания таким аспектами нетипичной телесности, как проблематика тела, сексуальность. С 1990-х гг. начинаются социологические исследования, которые легли в основу социального анализа чувственных переживаний индивида, раскрывая постструктуралистский и феноменологический подходы в изучении данного понятия [17].

Иконические структуры нетипичности в рамках культур изучал философ-семиотик У. Эко. Проанализировав издания У. Эко, можно прийти к выводу, что в противовес истории красоты (о ней было написано много трактатов) об истории уродства или нетипичной телесности сказано очень мало, и искать эти упоминания приходится лишь в документальных очерках, вербальных изображениях людей, которые так или иначе считались «безобразными». То же самое можно сказать и про различные культуры, которые в той или иной мере, но все же отличаются друг от друга своими семиотическими кодами. Следовательно, для туземца может быть ужасающим вид распятого Христа, а для европеоида кажется уродливой ритуальная африканская маска [18]. Также Эко констатирует, что «для человека Средневековья вещь безобразна, если она не вписывается в иерархическую систему целей, сосредоточенных на человеке и на его высшем предназначении» [19].

Автор одной из недавних статей Анна Хикей-Муди полагает, что те индивиды, которые отличаются в телесном аспекте от большинства, вкладываются в практику «эстетического отказа», а также разрабатывают новые формы этого самого эстетического отказа [20]. То есть, по словам автора, становление личности с нетипичной телесностью непосредственно связано с процессом вовлечения в культуру большинства.

В контексте сказанного авторы исследования предлагают рассмотреть специфику репрезентации тела в социокультурном пространстве через уже описанные концепции телесности. Авторы полагают, что для построения единой концепции классификации образов нетипичности в визуалистике для начала следует классифицировать специфику репрезентации самой телесности (табл. 1).

Таблица 1

М. Мерло-Понти (классическая феноменология)	Тело порождает смысл, проецируя его на свое материальное окружение и определяя тем самым горизонт экзистенциального пространства человека, его возможности понимания мира, других и себя самого
М. Шелер (антропологическая философия)	Тело является визуальным репрезентантом, демонстрируя определенный вид коммуникации в современном мире
Я. В. Чеснов (антропологическая философия)	Гипертекстуальное пространство и аудиовизуальная техника создала популяцию тинейджеров, которые представляют тело выразительным средством
У. Эко (семиотическая философия)	Иконические конструкты той или иной культуры отличаются друг от друга семиотическим единичными, представляющими телесность (красоту и уродство, нетипичность)
И. М. Быховская (социокультурная модель)	Телесность как преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и воплощающее определенные социокультурные функции
Анна Хикей-Муди (феминистская модель)	Индивиды, отличающиеся в телесном аспекте от большинства, выражают свои чувства в практике культурного «эстетического отказа»

На основе приведенной классификации авторы исследования делают вывод о том, что с точки зрения представленных концепций можно провести параллель между понятием телесности и ее социокультурными значениями. Для антропологической философии тело является непосредственным выразительным средством, для семиотики тело и есть текст, и оно обладает иконическими составляющими, определяющими культурную самобытность.

Именно в свете всего перечисленного авторы исследования предлагают рассматривать телесность с помощью средств визуальной выразительности, а именно с точки зрения визуальной культуры. Семиотическую составляющую социокультурного пространства визуалистики описывал У. Эко. По мнению У. Эко, «...тесная связь между риторическими формами и идеологическими мотивациями характерна и для визуальных знаков» [21], что помогает выстроить единую концепцию понимания форм выражения нетипичной телесности посредством оценки символов (форм представления) в социокультурном аспекте визуалистики.

В свою очередь современный иконизм (формализм) масс-медиа, его репрезентанты и символы воздвигли на пьедестал красоту человеческого тела и тем самым внесли свою отрицательную лепту в процесс восприятия нетипичной телесности и инвалидности, которая воспринимается современным обществом как нечто «уродливое», «слабое» и «несамостоятельное».

Классификация образов нетипичной телесности в визуальной культуре. Иконизм масс-медиа тесно связан с визуалистикой, так как объекты, представленные таким образом, лучше воспринимаются на подсознательном уровне. В свою очередь следует охарактеризовать визуальную культуру в целом, чтобы в дальнейшем рассмотреть ее частности. Существует множество трактовок этого термина, но в целом, по мнению авторов, визуальная культура сводится к комбинации культурологии, психологии, истории искусства, философии и антропологии и фиксируется на зрительных образах. В этом смысле она уже давно и прочно стоит в доминирующей позиции по сравнению с печатными средствами информации.

Как говорил Манфред Франк, любое отношение между вещью и отражением нуждается в «знаке, которым оно обозначается, а точнее, обозначается именно в качестве отражения» [22]. Авторы исследования согласны с такой трактовкой и предлагают применительно к визуальной культуре использовать более обширное понятие образа. Как считают Н. Л. Мусхиашвили и Ю. А. Шрейдер, «значение есть психический феномен – образ, возникающий в сознании под воздействием каких-то впечатлений внешней или внутренней жизни (в том числе получаемых в актах коммуникации через воспринимаемые тексты)».

Можно проследить и некую классификацию образов и форм представления инвалидов и индивидов с нетипичной телесностью в визуальной культуре. В настоящий момент уровень внимания властей к проблемам людей с нетипичной телесностью возрос в связи с изменениями социальных показателей, так как инвалидность влияет на целый ряд социальных и культурных феноменов, превращая это явление в темы множества дискуссий.

Понятие «репрезентация» как нельзя уместно подходит под этот случай, ибо СМИ не только репрезентируют, но и конструируют наш мир с помощью образов и слов, тем самым трансформируя его в нужном направлении (зачастую в негативном аспекте). Символические репрезентации при этом играют главную роль в том, как индивид осознает и выражает свою принадлежность к более широкой общественной группе.

Основная модель людей с нетипичной телесностью, которая на данный момент больше всего оперирует в общественном мнении и в социально-государственной политике (можно считать, что и в бытовом сознании) – это модель, которую можно охарактеризовать как медико-правовую. Основная характерная черта данной модели заключается в транслировании образа инвалида, как «недееспособного» или человека с ограниченными возможностями, что только подчеркивает характер его (инвалида) ограниченности.

В последние два десятилетия Движение людей с ограниченными возможностями (theDisabledPeople’sMovement) и академические исследования противопоставляли медико-правовому подходу иной – социально-конструктивистский, в котором подчеркивали, что доминирующее сообщество само усугубляет проблему инвалидности тем, что не обеспечивает людей с ограниченными возможностями необходимыми средствами (вроде языка глухонемых или титров на телевидении, книг на азбуке Брайля и т. д.) [23]. При этом репрезентации в определенном ключе или социально-культурном коде могут работать на совершенно разном направлении. К примеру, положительное отношение к индивидам с нетипичной телесностью сложилось у телезрителей после просмотра телесериала «Ironside» (1967–1975), где Раймонд Берр играл роль детектива в инвалидном кресле. Почитатели сериала отметили, что не замечали «инвалидности» героя, так как во всем повествовательном строе она не имела никакого существенного значения [24].

При этом, тем не менее, образ «неполноценного» индивида превалирует в современных СМИ на протяжении уже долгого времени. Ситуация порой складывается таким образом, что символ нетипичности, физический дефект человека якобы переходит на его личность, как будто делая ее ущербнее и отказывая в статусе носителя культуры (чем является тело само по себе, принимая во внимание антропологическую философию). Эта концепция может быть подтверждена тем, о чем уже ранее говорилось, а именно вековой репрезентацией образа калек, физического уродства в сугубо отрицательном социальном значении – как указание на отрицательные черты характера и отсутствие моральной стороны личности. Физический дефект использовался как социальный код, культурный шифр, в котором были скрыты пороки человечества – отрицательные персонажи в фильмах о Джеймсе Бонде, Капитан Хук в мультфильме «Питер

Пен», Ричард III у Шекспира и др. Такая социокультурная окраска присуща, по нашему мнению, модели «Угроза обществу», согласно которой человек с нетипичной телесностью воспринимается как реальная угроза. Такой человек способен нанести материальный и моральный ущерб обществу (обучение индивидов на данном этапе развития общества было невозможным, вследствие чего все учреждения для инвалидов носили закрытый характер).

Социальный статус личности веками оценивался по наличию или отсутствию нетипичности в образе. Так, Франклина Д. Рузвельта очень редко показывали в инвалидной коляске (в молодости он перенес полиомиелит, вследствие чего ноги были парализованы), так как американское президентство мало совместимо с инвалидностью, подобного рода символом физического бессилия.

Даже сами индивиды, обладающие нетипичной телесностью, в разговоре уже противопоставляют общество «неинвалидов» социальной группе «инвалидов». «Поэзия помогает мне жить в ВАШЕМ обществе, и я хочу быть обычной. Мои стихи это ниточка между ВАМИ и МНОЙ», – говорит Софья Шаталова (инвалид с детства, аутизм) [25]. Культура дает структуру предписаний и ценностей, которая, как и родительские указания, является лишь внешней опорой. Каждый день с экранов телевизоров, с глянцевого обложки журналов, со страниц интернета человек получает сообщения не только о том, к чему «необходимо стремиться» и каким нужно быть, но и о том, что он не соответствует многим стандартам и идеалам – он недостаточно хорош, недостаточно успешен, богат, красив и т. д. Человек, имеющий с рождения или получивший в результате травмы или заболевания социальный статус «инвалид», предельно отождествляется с этим статусом и становится невидимым для других людей, как уникальная личность. Эту модель представления образа можно охарактеризовать как модель «недочеловека». В рамках этой трактовки уместно отметить «вынужденную» асексуальность образа инвалида в обществе. В России вопрос сексуальности инвалидов и его подверженность стигматизации в принципе не рассматривается на уровне современных научных дискуссий. Одной из немногих, кто озвучил проблемы стигматизации инвалидной сексуальности, является Е. Р. Ярская-Смирнова: «По сути практика генетического консультирования входит в систему сексуальных запретов по отношению к инвалидам, помещая инвалидность в медико-биологический, даже расовый дискурс». То есть те модели, которые ранее предписывались законами евгеники и конструировали реальность инвалида вне сексуального аспекта, до сих пор имеют влияние на общественное мнение, и образ индивида с нетипичной телесностью до сих пор воспринимается обществом как нечто асексуальное и лишенное возможности чувствовать. В пример можно привести такие объекты визуальной культуры, как образы главных героев в фильмах «Малышка на миллион», «Виноваты звезды», «Теория всего», где основным посылом, по мнению самих индивидов с нетипичной телесностью, является утверждение, что инвалиды несчастны как в любви, так и в жизни в целом, и они находятся в постоянном отчаянии.

Социальное окружение, как правило, отказывает инвалидам не только в профессиональной и творческой реализации, но даже в половой принадлежности. Общество через призму инвалидности не видит других признаков и характеристик личности.

Статус инвалида «бежит впереди» человека с инвалидностью везде: при приеме на работу, при участии в общественной жизни, даже в попытках проявить себя творчески или в спорте. Сначала идет упоминание о том, что человек является инвалидом, а лишь затем его личностные и гендерные характеристики, достижения и устремления. Здесь, по мнению авторов, подходит трактовка образа инвалида в рамках модели «Объект жалости». Примером может послужить

нашумевший кассовый фильм «До встречи с тобой», где опять же, по мнению самих людей с ограниченными возможностями представлена кристаллизованная модель сострадания общества к инвалидам. Фильм повествует о том, что от осознания невозможности жить полноценной жизнью (заниматься любовью) и при этом быть прикованным к больничному креслу, главный герой решает покончить жизнь самоубийством. «Фильм лишь укрепляет существующие стереотипы о людях с ограниченными возможностями», – говорит в одном из отзывов автор, представитель сообщества людей с ограниченными возможностями [26].

Отчуждение людей с инвалидностью от общества может быть грубым, вульгарным или незаметным. В общественном месте или учреждении о человеке с инвалидностью часто говорят в третьем лице, обращаясь по всем вопросам к его сопровождающему. Публикации в СМИ содержат штампы, для особых людей организовываются особые мероприятия: литературные конкурсы специально для инвалидов, КВН специально для инвалидов, дискотеки, конкурсы красоты, показы моды специально для инвалидов – пример невидимой, но осязаемой границы, которую проводит общество «заботливых сильных»: «это для ВАС, потому что ВЫ не такие как МЫ». Названия подобных мероприятий тоже тенденциозные: «Во имя жизни», «Преодоление», «Надежда», «Интеграция», «Вместе мы сможем больше!» и т. д.

Подобная модель характеризуется доминированием образов беззащитных инвалидов и благотворительных организаций, поэтому авторы статьи считают уместным назвать такую модель «Объект (обременительной) благотворительности», при этом зачастую многие члены общества воспринимают ее именно как навязанную вследствие того, что забота, связанная с содержанием инвалидов, перекладывается на плечи налогоплательщиков. При этом сам объект внимания зачастую воспринимается обществом как «невидимка» – многие не хотят замечать проблемы индивидов с нетипичной телесностью. Основным примером, конечно же, является попрошайничество как главный вид деятельности людей без определенного места жительства, зачастую лишь имитирующих свои физические недостатки, чтобы вызвать жалость у прохожих. Манипуляция сознанием общества также происходит под воздействием выразительных средств рекламы (телевизионной и наружной), где с помощью многочисленных лозунгов изображается модель сочувствующего человека, который жертвует деньги на лечение или подает их в качестве милостыни.

Еще Эрих Фромм писал, что отчуждение – опыт каждого в современной, основанной на корпоративных стандартах культуре, которая нуждается не в личностях, а в функциях. Под отчуждением Фромм понимал такой тип жизненного опыта, когда человек становится чужим самому себе, перестает быть центром собственного мира, хозяином своих поступков. Наоборот, поступки и их последствия подчиняют его себе, им он повинуется и порой даже превращает их в некий культ. Отношения между людьми тогда напоминают отношения двух абстракций, двух живых машин, использующих друг друга.

При этом стоит остановиться и на такой модели представления образа инвалида, как «Развитие», которое все же позволяет расширить горизонты социокультурного подхода и говорить о том, что, несмотря на отношение общества, с изменением форматов государства менялось и представление о нетипичности, и теперь, благодаря усилиям со стороны культурной и социальной пропаганды, люди с инвалидностью имеют возможность быть включенными как в процесс образования, так и в социокультурный процесс, чем может являться факт планируемого выступления на Евровидении 2018 г. российской певицы Юлии Самойловой. В данном ключе Юлия может послужить ярким примером начала трансформации отношения к людям с нетипичной телесностью.

Помимо прочего, положительным фактором осознания социумом жизненных успехов людей с нетипичной телесностью являются рекламные плакаты Паралимпийских игр, которые были представлены в Ванкувере в 2010 г., сделанные канадским отделением BBDO. Откровенные снимки спортсменов-инвалидов с подписями вроде «Прибереги свою жалость для ее соперников» были размещены на улицах Ванкувера, что позволило заявить о себе спортсменам-инвалидам как о первоклассных спортсменах, наделенных огромной силой воли и целеустремленностью. Инвалидность как особенность тела этих спортсменов была спрятана более значащей функцией для социума – функцией человека мотивированного и добившегося своих целей.

В попытке осмысления образов (репрезентант) нетипичной телесности и на основе изучения сложившихся представлений о «типичной телесности», сделаны выводы о ключевых визуальных образах, лежащих в основе моделей, описывающих отношение к инвалидам в обществе (табл. 2).

Таблица 2

Подход	Модель	Образ в визуальной культуре
Медико-правовой (М. Оливер)	«Больной человек»	Характерный для медицинской модели акцент на телесном подчеркивает стигматизацию фигуры инвалида в обществе и является объектом для «жалеющего взгляда» доминантного большинства
Негативистский	«Угроза обществу»	Наделение антигероя в киноиндустрии физическими недостатками с целью привнесения в образ отрицательной составляющей. Как следствие – формирование антиномичного представления о нетипичности
Ограниченный в возможностях	«Объект жалости»	Представление индивида с нетипичной телесностью в образе недееспособного члена общества, наделенного ограниченным набором качеств
Асексуальный	«Недочеловек»	Формальное лишение инвалидов и представителей нетипичной внешности сексуального начала
Невидимка	«Объект (обременительной) благотворительности»	Формальное представление индивида с нетипичной телесностью как «попрошайки», при этом для большинства инвалидов становится «невидимкой». Апеллирование благотворительных организаций к чувствам долга и состраданию
Неосоциальная модель	«Развитие»	Уравнивание в правах людей с ограниченными возможностями. Манифестация имиджа морально и духовно сильного человека (достижения в спорте и т. д.)

Выбранная тема исследования несомненно важна в свете социально-культурных и политических преобразований, которые происходят в последние десятилетия. Постепенный переход к инклюзивной модели образования, создания центров психологической поддержки инвалидов несомненно приносит свои плоды. Однако вкуче с действиями руководящих органов необходимо использовать не только выбранные методы адаптации инвалидов к современной реальности, но и философско-антропологический и философско-культурологический подходы для исследования проблемы нетипичной телесности в визуальной культуре.

Ключевым аспектом проблемы исследования образа нетипичной телесности является символические конструкторы (язык, образы медиа), которые не должны содержать отчуждающих элементов, способствующих стигматизации индивидов с нетипичной телесностью.

Как пример отчуждения и стигматизации своей собственной «нетипичности» самими инвалидами можно привести результаты норвежских исследователей, которые изучали вопрос восприятия инвалидности молодыми людьми, которые были частично либо полностью лишены зрения. Участникам предлагалось играть в компьютерные игры, используя специальные технические возможности, которые позволяли бы слепым или плохо видящим людям общаться и по-

лучать ответную реакцию от других молодых людей-неинвалидов. Десять из одиннадцати подростков предпочли отказаться от данного устройства вследствие того, что это является символом «беспомощности» и «инвалидности» [27] и репрезентует их идентичность, которая указывает на стигму «разности» и «чужеродности». Подростки отметили тот факт, что они не хотели бы выделяться даже в интерактивно-визуальном плане от своих оппонентов. Этот пример был приведен авторами, чтобы подчеркнуть обоснованность применения понятия «образа» в визуальной культуре (компьютерные игры, несомненно, являются средством визуальной культуры как обобщенной структуры мировоззрения человека, которая складывается под воздействием визуальных знаков, образа мышления или языковых моделей). Эти образы (даже на примере подростков, обладающих слепотой и использующих вспомогательные средства) характеризуют собой ярко выраженную модель «Объекта жалости», что складывается в единую картину подхода в исследовании проблемы «ограниченного в возможностях» человека.

Таким образом, авторы исследования утверждают существование четкой взаимосвязи между визуальными образами, образами и символами в социокультурном пространстве и той стигмой «нетипичности», которая складывается под воздействием определенных подходов и моделей в сознании индивида.

Приведенная авторами классификация подходов, моделей и образов в визуальной культуре нетипичной телесности отражает единую концепцию простройки «образа инвалида» в современной культуре. Ведь именно благодаря существующему подходу в формировании визуального образа формируется и последующая модель, отражающая определенную «стигму», которая впоследствии транслируется с помощью конкретных констант, утверждающих, что индивид с нетипичной телесностью либо беспомощен, либо формально лишен прав на личную жизнь.

Следует подчеркнуть и тот факт, что исследования в области интеграции индивидов с нетипичной телесностью в современное общество не могут быть проведены с использованием только одного подхода (для чего авторами была проведена классификация имеющихся подходов). Социокультурные факторы восприятия вещей имеют в основе своей многогранность, и именно поэтому дальнейшие исследования должны быть проведены с использованием многосоставного подхода, а образы должны быть рассмотрены с точки зрения нескольких моделей и методов, исключая негативный аспект восприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуссерль Э. Феноменология: статья в Британской энциклопедии / предисл., пер. и примеч. В. И. Молчанова // Логос. 1991. № 1. С. 12–21.
2. Марсель Г. Быть и иметь / пер. И. Н. Полонской. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 159 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр.; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 603 с.
4. Кон И. С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989. 336 с.
5. Бугуева Н. А. Телесность человека как социокультурный феномен // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. «Философия. Социология. Культурология». 2007. № 16 (94). С. 66–71.
6. Киященко Л. П. О границах телесности человека // Телесность человека: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Николаевой, П. Д. Тищенко. М.: Изд-во филос. общ-ва, 1991. С. 7–12.
7. Быховская И. М. Телесность как социокультурный феномен. URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt109.htm> (дата обращения: 16.12.2016).
8. Чеснов Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М.: ИФ РАН, 2007. 213 с.

9. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст // Интернет. 1998. № 6–7. URL: <http://www.gagin.ru/internet/10/32.html> (дата обращения: 16.12.2016).
10. Oliver M. Capitalism, disability and ideology: a materialist critique of the normalization principle. London: University of Greenwich, 1999. 16 p.
11. Hughes B., Paterson K. The social model of disability and the disappearing body: towards a sociology of impairment // Disability and Society. 1997. № 12 (3). P. 325–340.
12. Lonsdale S. Women and Disability: the experience of physical disability among women. Basingstoke: Macmillan, 1990. 6 p.
13. Малофеев Н. Н. История становления и развития национальных систем специального образования : социокультурный контекст // Специальная педагогика: учеб. пособие для высш. учеб. заведений / под ред. Н. М. Назаровой. 9-е изд., стер. М.: Академия, 2009. С. 87–121.
14. Малофеев Н. Н. Специальное образование в России и за рубежом: в 2 ч. Ч. 1: Западная Европа. М.: Печатный двор, 1996. 182 с.
15. Малофеев Н. Н. Специальное образование в меняющемся мире. Россия: учеб. пособие для студентов пед. вузов: в 2 ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 2009. 319 с.
16. The British Council of Organisations of Disabled People (BCODP). Bailey&SonsLtd., Somercotes, Derbyshire, 1997. 10 p.
17. Shakespeare T. Cultural representations of disabled people: Dustbins for Disavowal // Disability and Society. 1994. № 9 (3). P. 283–299.
18. История уродства / под ред. У. Эко; пер. с ит. А. А. Сабашниковой, И. В. Макарова, Е. Л. Кассировой, М. М. Сокольской. М.: Слово/Slovo, 2007. 456 с.
19. Эко У. Эволюция средневековой эстетики / пер. с ит. Ю. Н. Ильина; в обраб. и под ред. Е. Ю. Козиной и И. А. Доронченкова; пер. с лат. А. С. Струковой. СПб.: Азбука-классика, 2004. 288 с.
20. Anna Hickey-Moody. Being different in public // Continuum: J. of Media & Cultural Studies. Sexuality, Culture and Creativity: Commodification and Contemporary Publics. 2016. № 30. P. 531–541.
21. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М.: Петрополис, 1998. С. 53–54.
22. Frank M. Was ist Neostukturalismus? // Tijdschrift Voor Filosofie. 1986. № 48. P. 341–341.
23. Campbell J., Oliver M. Disability Politics: Understanding Our Past, Changing Our Future. London: Routledge, 1996.
24. Morris J. Pride Against Prejudice: Transforming Attitudes to Disability. London: Women's Press, 1991. 131 с.
25. Интервью в рамках телепередачи «Фактор жизни» от 07.11.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BXRJgILG5KE#action=share> (дата обращения: 20.12.2016).
26. Smith S. E. Why disability rights advocates are calling out «Me before you» as a hot mess. 07.06.2016. URL: <https://bitchmedia.org/article/why-disability-rights-advocates-are-calling-out-%E2%80%9CMe-before-you%E2%80%9D-hot-mess> (дата обращения: 15.01.2017).
27. Söderström S., Ytterhus B. The use and non-use of assistive technologies from the world of information and communication technology by visually impaired young people: a walk on the tightrope of peer inclusion // Disability&Society. 2010. Vol. 25, Issue 3. P. 303–315.

A. A. Rusanova, N. A. Lukyanova
National Research Tomsk Polytechnic University

PATTERNS OF DISABILITY IN VISUAL CULTURE

The concept of a pattern is considered as a generalized structure of a person's worldview which is formed under the influence of impressions produced by visual signs. The interpretation of the pattern as the basic concept of social relations is offered. Thus, it is often these patterns that are the stigma of disability that does not allow people with disabilities to integrate into modern society. The object of the research is to study corporality in mass culture. As the subject of the study, the authors identify patterns of a disabled body in modern visual culture. The aim of the research was to classify patterns of disability in modern visual culture using methodological approaches in the study (M. Merlot-Ponty, I. S. Kon, I. Bykhovskaya, N. A. Bugueva).

Pattern, visual culture, disability, socio-cultural phenomenon